

КРОВЬ ВЕРЕСКА

СЕРДЦЕ ЛЕСНОГО БОГА

ВАЛЕНТИНА САДЫКОВА

Валентина Садыкова «Кровь Вереска: Сердце лесного бога»

<https://litres.ru/74001309>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир под названием Древосечь. Это бескрайняя, дремучая тайга, зажата между болотными топями (Гниловодье) и Отрезанными Горами. Здесь никогда не бывает настоящего лета — лишь затяжная, серая весна и лютая зима. Люди живут в укрепленных острогах (посадах), огороженных высокими дубовыми частоколами с вырезанными на них оберегами. Магия в этом мире — это не красивые заклинания, а Уговор. Чтобы взять что-то у Леса (дрова, дичь, защиту), нужно отдать эквивалент: каплю крови, голос, память или первенца.

Содержание

Глава	4
Часть I: Запах талой воды	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

«Кровь Вереска: Сердце лесного бога»

Глава

Часть I: Запах талой воды

Глава 1: Земля помнит всё

Земля в Черноярах была тяжелой, жирной и вечно голодной. На два штыка лопаты вниз — и упираешься в серый подзол, сквозь который сочилась ледяная, ржавая вода, пахнувшая болотной рудой и старыми костями. Старый дед Нечай, гробовщик, всегда говорил: *«Земля-то наша, Радка, она как баба сварливая. Всё, что в подол утащила, обратно не отдаст. А коли отдаст — так обглоданным»*.

Рада вытерла лоб тыльной стороной руки, оставив на бледной коже темную полосу перегноя. Её пальцы в старых, потрескавшихся от сырости кожаных рукавицах ныли от долгой работы. Ей было восемнадцать, но её ладони знали больше мертвецов, чем живых парней.

Сегодня хоронили старосту, Фому Лукича. Мужик он был крепкий, дородный, из тех, кто привык орать на челядь так, что бревна в избах дрожали. Но синяя лихорадка, пришедшая с Гниловодья вместе с первыми весенними туманами, скрутила его за три дня. Теперь он лежал в дощатом гробу — сосновом, наспех сколоченном Нечаем — и казался удивительно маленьким, усохшим, словно из него выпустили весь

воздух вместе со спесью.

— Ну что, девка, заговаривай, — прохрипел Нечай, опираясь на черенок лопаты. Его колени на погоде крутило так, что старик едва держался на ногах. — Слышишь, как земля-то у края осыпается? Торопит. Ей парного мяса хочется, пока мороз не вернулся.

Рада вздохнула. Воздух был густым, сырым, пропитанным запахом талого снега, хвои и овечьего сала — люди из посада стояли поодаль, у самых ворот кладбища, переминались с лаптя на лапоть и крестились на вырезанные на столбах лики Чуров. Ближе подходить боялись. Знахарок и гробовщиков в Черноярах не любили, хоть без них и обойтись не могли.

Она подошла к краю могилы, сняла рукавицы и опустилась на колени прямо в грязь. Колени тут же обожгло холодом. Рада закрыла глаза, протянула ладони над открытым гробом и заговорила. Её голос не был громким, но он обладал странной, вязкой силой, от которой птицы в малиннике сразу затихли.

— Иди, Фома, под корень, под камень, под серый мох, — шептала она, и её дыхание вырывалось изо рта ровным белым паром. — Кровь твоя пушай рудой станет, кости твои — кремнем крепким. Не ходи по ночам к живой жене, не пугай деток в хлеву, не проси хлеба со стола. Твой удел — спать. Наш удел — плакать. Земля тебе пухом, Фома Лукич.

Под её пальцами воздух словно задрожал. Рада почувствовала, как от покойника отделилась последняя, легкая,

как паутинка, тень тепла — то, что люди звали «духом». Тень скользнула по её ладоням, заставив кожу покрыться мурашками, и ушла вниз, в сырую глубину ямы. Магия «Слушающей кости» всегда забирала у Рады её собственное тепло. Каждый раз после заговора ей казалось, что её сердце покрывается тонкой корочкой наледи, и пальцы на ногах синели, требуя горячей печи.

— Ладно, закидывай, — буркнул Нечай, загребая лопатой первую порцию жирной грязи.

Посажане за воротами вздохнули с облегчением — раз Радка заговорила, значит, староста упырем не встанет, коров доить по ночам не пойдет. Люди потихоньку потянулись обратно к посадку, торопясь скрыться за частоколом до того, как солнце сядет за макушки вековых елей. В Черноярах знали: сумерки — это время Леса, а Лес ошибок не прощает.

Рада помогала старику до тех пор, пока над могилой не вырос ровный, обложенный дерном холмик. Нечай ушел вперед, волоча за собой лопату и матерясь на свои суставы. Рада задержалась, чтобы собрать инструмент в старый холщовый мешок.

И тут она услышала этот звук.

Это был не хруст ветки и не крик совы. Это был судорожный, влажный хрип — так дышит человек, который долго тонул в проруби и наконец вынырнул, судорожно глотая воздух всей грудью. Звук шел из старого оврага, что отделял погост от дикой тайги.

Рада замерла. Сердце в груди стукнуло тяжело и редко. Нормальные люди в овраг у Леса на ночь глядя не полезут.

Она перехватила поудобнее небольшую железную кирку, которую использовала для скалывания льда, и медленно, стараясь не шуметь сырыми лаптями, пошла вдоль края обрыва. Туман в овраге стоял густой, похожий на пролитое молоко. На самом дне, среди прошлогодней гнилой листвы и остатков заиндедевших сугробов, лежало человеческое тело.

Юноша. Совсем молодой, может, чуть старше её самой.

На нём не было привычной для северян сермяги или овчинного тулупа — только тонкая, серая, как зола, рубаха из странного, мягкого полотна, разорванная на груди. Он лежал навзничь, закинув голову, и его тело колотил такой крупный, неудержимый озноб, что земля вокруг него, казалось, вибрировала.

Но самым страшным было не это. Юноша плакал. Из его закрытых глаз текли крупные, прозрачные слезы, и там, где они падали на гнилые листья, из земли мгновенно пробивались бледные, полупрозрачные цветы дикого вереска. Они распускались за секунду и тут же увядали, чернея от мороза.

«Нечисть», — первая мысль ударила в голову Рады, как обух топора. — «Навий круг. Лешак морок наводит».

Она подняла кирку, готовая либо бежать, либо дорого продать свою жизнь. Но юноша вдруг открыл глаза.

У него были огромные, испуганные глаза цвета молодой травы, пробивающейся сквозь пепел после лесного пожара.

В них не было злобы или голода, какие бывают у упырей. В них был такой дикий, первобытный страх перед этим миром, перед этим холодным небом и сырым воздухом, что Рада опустила оружие.

— Больно... — сорвалось с его губ. Очеловечивание этого существа началось с этого простого, хриплого слова, сказанного на чистом черноморском наречии, но с каким-то странным, певучим акцентом, словно его язык не был приспособлен к твердым звукам. — Воздух... как ножи. Зачем он... режет внутри?

Он судорожно схватился пальцами за горло. Его ногти были длинными, полупрозрачными, похожими на молодые побеги деревьев. Он не умел дышать. Его тело, только что получившее человеческую форму, отчаянно боролось с новой, незнакомой ему природой.

Рада, позабыв про все запреты бабки и страх перед Лесом, скатилась по склону оврага прямо к нему в грязь.

— Дыши медленно, дуралей, — крикнула она, хватая его за плечи.

Плечи у него были твердыми, как сухой дуб, но кожа была нежной, почти девичьей. От него пахло весенней землей, озоном после грозы и... медом. Настоящим, сладким вересковым медом, какого в Черноярах не видели с прошлого лета.

— Вот так, смотри на меня! — Рада прижала его голову к своей груди, туда, где под старым суконным жилетом билось

её живое, испуганное сердце. — Слышишь, как у меня стучит? Повторяй. Вдох... выдох. Ну же!

Юноша замер. Его дикие, зеленые глаза оказались в нескольких вершках от её лица. Он прислушался к стуку её сердца. Его тело перестало биться в судорогах. Он сделал медленный, глубокий вдох, и Рада почувствовала, как по её собственному телу, от ладоней до самых пальцев ног, разлилась теплая, мощная волна — словно она прижалась к жарко натопленной печи после целого дня на морозе. Её вечно мерзнущие руки впервые за много лет согрелись.

Глава 2: Урок человеческого дыхания

До заимки Нечая они добирались долго. Юноша — которого, как выяснилось чуть позже, звали Милошем (это имя он выбрал сам, вспомнив какое-то старое слово, услышанное от проходящих мимо его рощи людей) — шел тяжело. Его ноги, непривычные к тяжелым кожаным поршням, которые Рада наводком натянула на него, постоянно заплетались. Он то и дело останавливался, удивленно разглядывая свои собственные пальцы, словно не понимал, откуда на них взялись ногти и кожа вместо привычной, надежной коры.

Заимка гробовщика стояла на самом отшибе посада, у лесных ворот. Старый Нечай к этому времени уже крепко спал на печи, оглушительно храпя и распространяя по избе густой дух сивухи и сушеной рыбы. Это было им на руку.

Рада завела Милоша в свою каморку — крошечный угол за дощатой перегородкой, где едва помещались узкая лавка, сундук с бабкиными травами и небольшая глиняная плошка с лампадным маслом.

— Садись, — шепнула она, толкая его к лавке.

Милош сел, но как-то странно — не согнув колени, а просто обрушившись всем телом назад, отчего доски жалобно заскрипели. Он по-прежнему во все глаза разглядывал комнату. Для него, духа, привыкшего видеть мир как сплетение энергетических потоков и корневых систем, человеческое жилище казалось тесной, уродливой коробкой.

— Тесно... — пробормотал он, трогая пальцем закопченную стену. — Дерево здесь умерло. Ему больно.

— Дерево здесь избу держит, чтобы мы с тобой от стужи не околели, — строго сказала Рада, наливая в глиняную миску остатки вчерашних щей. — На, ешь. Тебе силы нужны, а то вон — бледный как поганка.

Она протянула ему большую деревянную ложку. Милош взял её тремя пальцами, как странную сухую ветку, повертел перед носом и попытался... укусить саму ложку.

Рада не выдержала и тихо фыркнула, прикрыв рот ладонью. Очеловечивание этого лесного бога происходило так нелепо, что весь её страх окончательно испарился.

— Да не ложку грызи, чучело лесное. Вот так надо. — Она села рядом, накрыла его большую, узловатую ладонь своей маленькой рукой и мягко направила ложку в миску. — Чер-

пай... теперь в рот неси. Только осторожно, щи горячие.

Милош послушно втянул в себя ложку щей. В ту же секунду его глаза округлились, он шумно выдохнул, изо рта пошел пар, а на щеках проступил густой, здоровый румянец.

— Горячо! — выдохнул он, едва не выронив ложку. —
Внутри меня... костер?

— Это еда, дуралей. Она греет. У людей внутри всегда должен быть костер, иначе они замерзают и умирают. Понимаешь?

Милош посмотрел на неё. Его взгляд стал глубоким, изучающим. Слишком внимательным для простого человека. Он потянулся своей теплой, пахнувшей медом рукой к её лицу и осторожно, одним пальцем, коснулся её щеки.

— У тебя костер маленький, — тихо сказал он. — Я слышу. Он едва тлеет. Твои кости пахнут зимой. Почему?

Рада замерла. От его прикосновения по её коже пробежали колючие, приятные искры. Ей захотелось прижаться к его ладони всем лицом, забрать это избыточное, лесное тепло, которое так щедро источало его тело. Но правила приличия, вбитые бабкой, заставили её отстраниться.

— Потому что моя магия такая, — хмуро ответила она, убирая миску. — Я заговарю тех, кто ушел. Земля забирает мое тепло взамен на покой для мертвых. Так что не лезь к моим костям, лешак.

— Я не лешак, — Милош обиженно поджал губы. Это было удивительно человеческое выражение лица, подсмотрен-

ное им, верно, у деревенских парней. — Лешаки — старые, они пахнут гнилыми пнями и сорочьим пометом. А я... я из рода Дубов-Пограничников. Моя роща стояла там, где Хребет начинается. Но люди срубили моих братьев на частокол. Остался только я. И я пришел... посмотреть на вас. Зачем вы такие? Зачем вы делаете боль всему, чего касаетесь?

Он поднял руку и начал расстегивать ворот своей серой рубахи.

— Эй, ты чего удумал? — вспыхнула Рада, отворачиваясь. К щекам прилил жар, и это был не морозный румянец, а чистое, девичье смущение. — У нас не принято при девках одежду скидывать!

— Мне мешает, — просто ответил Милош. — Кожа чешется. Словно кора старая сходит. Смотри.

Рада нехотя обернулась через плечо и затаила дыхание.

Рубаха сползла с его плеч. Его грудь и ключицы были покрыты удивительными узорами. Это не были татуировки. Из-под его бледной кожи явственно проступали золотистые, светящиеся прожилки, напоминающие структуру листа или годовые кольца дерева. На левом боку, прямо над сердцем, кожа была сорвана, и оттуда, вместо крови, сочилась густая, янтарная смола, которая медленно застывала крупными каплями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.